

От „русина“ к „благородному литвину“: трансформации исторического нарратива ВКЛ XVI в.

К Я С Т У Т И С Г У Д М А Н Т А С

Институт литовской литературы и фольклора
<https://ror.org/050fgfn67>
k.gudmantas@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0571-8359>

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изменению отношения к православным и русинам в исторических, полемических и эпистолярных сочинениях ВКЛ XVI века. Сначала анализируется описанный в литовских летописях переход литовских князей-язычников в православие, затем рассматриваются письма канцлера Альберта Гаштольда († 1539) и его борьба с группировкой гетмана Константина Острожского. Завершается статья обсуждением сочинений Августина Ротунда, Мацея Стрыйковского и других авторов второй половины XVI века. В последних текстах представители русской элиты ВКЛ (Ходкевичи, Воловичи) уже считаются „благородными литвинами“.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русь; литва; ВКЛ; вера; этничность; летописи; хроники; полемическая письменность XVI в.

Проблематичность имени русь в источниках XV–XVII вв. уже была озвучена в историографии¹. Это мог быть и конфессионим, и этноним,

* Статья написана в 2020 г. для международного научного проекта „Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (кон. XV – сер. XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе“.

¹ См., напр.: Oskar Halecki, „Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego“, in: *Rozprawy Akademii Umiejętności*, t. 59, (Seria II, t. 34), Kraków, 1916, p. 218–

Received: 07/05/2024. **Accepted:** 14/06/2024.

Copyright © 2024 Кястутис Гудмантас. Published by the Institute of Lithuanian Literature and Folklore Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Licence, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

и хороним, и политоним. Нас здесь будет интересовать русь главным образом в первых двух значениях, поскольку статья посвящена переходу в православие представителей литовской элиты и прониканию в ее ряды руси, как это нам сообщают летописи, хроники и полемическая письменность ВКЛ XVI в.

В самом начале отметим, что основной корпус текстов по заявленной теме доступен исследователям². Но его используют весьма выборочно³.

Как же менялась интерпретация „конфессионального“ прошлого Литвы в письменности ВКЛ XVI века?

236; Igar Marzalyuk, *Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.)*, Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2003, с. 33–37, 58 и сл.; Олег Уладзіміравіч Ліцкевіч, „Да пытання пра рутэнізацыю балтаў ВКЛ у XIV – пачатку XV стст.“, in: *Arche*, 2009, №. 11–12, с. 24–80; Gintautas Sliesoriūnas, *Lietuvos istorija*, t. 6: *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVI a. pabaigoje – XVIII a. pradžioje (1588–1733 metais)*, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015, p. 222; „Предисловие ко второму изданию“, in: *Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. I: 6-я книга записей Литовской метрики. Сб. док. канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика 1494–1506*, сост. тома М. Е. Бычкова (отв. сост.), О. И. Хоруженко, А. В. Виноградов, отв. ред. тома С. М. Каштанов, Москва: Кучково поле, 2018, с. 15–16; Михаил Владимирович Дмитриев, „Православное и ‘русское’ в представлениях о ‘русском народе’ Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII в.)“, in: *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства, (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*, кн. 1), отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин, Москва: РОССПЭН, 2017, с. 193–214; Idem, „‘Народ благочестия русского’: о конфессиональном и этническом в представлениях о ‘русском народе’ Речи Посполитой“, in: *Вертоград многоцветный. Сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флора*, Москва: Индрик, 2018, с. 453–463; Andrzej Janeczek, „Ruś w Koronie: stara nazwa i nowa tożsamość regionalna (po aneksji w połowie XIV wieku)“, in: *Pogranicza w polskich badaniach mediewistycznych (Materiały V Kongresu Mediewistów Polskich*, t. III), red. A. Janeczek, M. Parczewski, M. Dzik, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019, p. 149–175.

² Здесь имеются в виду как традиционные академические (напр., ПСРЛ), так и участвовавшие в последние годы онлайн-публикации дигитальных копий рукописей и старопечатных книг.

³ Исключение составляет статья Василия Воронина, в которой скрупулезно проанализированы тексты литовских летописей (хотя выдвинутый им в этой статье концепт „литвинской нации“ нам не кажется удачным), см. Василий Алексеевич Воронин, „На пути к современной литвинской нации (по материалам Второго и Третьего сводов белорусско-литовского летописания)“, in: *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории, (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*, кн. 2), отв. сост., отв. ред. серии Андрей Владимирович Доронин, Москва: РОССПЭН, 2018, с. 126–141.

В легендарной части Второго и Третьего свода литовских летописей (первая пол. XVI в.⁴) рассказано о возникновении ВКЛ и приросте его территории. Важное место здесь отведено завоеванию Руси после Батыева нашествия. „И въскричала Русь великим голосом и с плачем, иж так округне вси суть побиты от безвърное литвы“, – так описано поражение князя луцкого и пинского в сражении с литовскими князьями возле реки Ясельды, левого притока Припяти⁵. Здесь русь – этноним, что становится понятно из указанных летописей; здесь православная русь противопоставлена „безверной“ литве. Но это клише заимствовано из рус(с)ких летописей⁶.

С принятием православия литвины „превращались“ в русинов. Вспомним случаи Гинвила и Витовта. Однако этот стереотип не действует в случае с Ольгердом в Третьем своде (Хронике Быховца и Вавельском списке).

Во Втором своде о полоцких князьях Палемонovichах сказано:

И поиметь Кгинвил дочку у великого князя тверского Бориса именем Марью, для которе жь окристался в руску вѣру, и дали ему имя тѣстя его, князя тверского, Борис. И тот Кгинвил, нареченный Борис, вчинил город на имя свое на рецѣ Березыни и назвал его Борисов. **И будучи ему русином** (здесь и далее жирным шрифтом выделено нами – К. Г.), был велми набожен и вчинил церков каменую в Полоцку святое Софии, другую святого Спаса, девич монастырь уверх реки Полоты от града у полумили, третью церков на Белчици святых Бориса и Глѣба монастырь.⁷

⁴ Архетипы первой и второй редакций Второго свода, а также архетип Третьего свода были созданы в окружении воеводы виленского и канцлера ВКЛ Ольбрахта Гаштольда († 1539).

⁵ *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ), т. 35, Москва: Наука, 1980, с. 130 (Список Красинского). См. также в других списках Второго свода и в Третьем своде (Хроника Быховца).

⁶ О стереотипном восприятии литовцев см. Алексей Владимирович Лаушкин, *Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв.*, Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2019, с. 211–223.

⁷ ПСРЛ, т. 35, с. 130 (Список Красинского). В Третьем своде Гинвил после крещения получает имя Юрий; Борис – его и княжны Марии сын, см. *Pomniki do dziejów litewskich*. [...], zebrane przez Teodora Narbutta, Wilno: Nakładem Rubena Rafałowicza Księgarza Wileńskiego, 1846, p. 5.

Однако ж дочка Гинвила-Бориса Парасковия крестилась в Риме, получила имя Паракседа, а после смерти стала католической святой, „которой же в Риме и костел збудовали на имя ее святое“⁸. То есть произошло как бы „возвращение к корням“, ведь первые литовские правители, согласно легенде, переселились на берег Балтийского моря из Рима. Брат Парасковии остался православным и его похоронили в одном с отцом гробе в Святой Софии – так полной гармонией двух „вер“ заканчивается в летописи история полоцких князей. (В Третьем своде имеются, правда, незначительные добавления, касающиеся их генеалогии, но применительно к интересующей нас теме они ничего не меняют.)

Во Втором своде есть сюжет и о князе-иноке Рымонте-Лаврыше, сыне великого князя Тройдена (это калька истории Войшелка, сына Миндовга, из Галицко-Волынской летописи). Рымонт обучился рускому языку, окрестился, стал монахом, приняв имя Лаврыш (эпоним Лаврышева монастыря, поскольку далее речь пойдет об основании его Лашрышом)⁹. В Третьем своде Рымонт получает еще одно, руское, имя Василий (*czernec Ławrasz, po litowsku zowemy Rymont, a po rusku Wasiley*¹⁰). Оно было популярным на Руси (особенно среди Рюриковичей) и переименование Лаврыша в Василия (при пострижении в великую схиму?), вероятно, можно связать с афонской традицией¹¹, поскольку прототип Рымонта Войшелк, согласно Галицко-Волынской летописи, собирался на Афон¹². С другой стороны, рядом с Войшелком в Галицко-Волынской летописи

⁸ Этот костел – один из самых известных в Риме, подробнее см.: Кястулис Гудмантас, „Житие Парасковии-Пракседы в литовских летописях“, in: *Археология и история Литвы и северо-запада России в средневековье*, редактор и составитель Гедиминас Вайткавичюс, Вильнюс: Lietuvos istorijos institutas, 2013, с. 197–214; Kęstutis Gudmantas, „Hagiografinė Paraskovijos-Praksedos istorija Lietuvos metraščiųuose“, in: *Lietuva – Italija: Šimtmečių ryšiai*, sud. Daiva Mitrulevičiūtė, Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2016, p. 280–299.

⁹ ПСРЛ, т. 35, с. 198 (Румянцевский список).

¹⁰ *Pomniki...*, p. 12.

¹¹ См. Анна Феликсовна Литвина, Федор Борисович Успенский, *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва: Индрик, 2006, с. 482–495; Idem, *Иноческие имена на Руси*, Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017, с. 50 (здесь приведен в пример Антоний Супрасльский (нач. XVI в.)).

¹² *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*, под ред. Николая Федоровича Котляра, Санкт-Петербург: Алетейя, 2005, с. 141.

упоминается князь Василько Романович, которого Войшелк, по словам летописца, нарек „яко отца собѣ и господина“¹³.

В Третьем своде мы найдем вставку из Галицко-Волынской летописи – рассказ о великом князе Миндовге и его сыне, иноке Войшелке¹⁴. В ней сообщается о Витовте:

У брата же великого кн(я)зя Олгирда в Кестутя, которыи былъ на Троцех и на земли Жомоитскои, сынов было шест: **первыи Витолт, а коли русиномъ остал**, дали были имя ему Юре[и], **коли ся охрыстил в лядскую веру**, то[з]ды имя ему дано Александр.¹⁵

То же и в Евреиновском списке Второго свода. Разница лишь в том, что Витовт не именуется в нем русином¹⁶. Однако генезис Евреиновского списка неясен, его протограф, скорее всего, является гибридом разных редакций¹⁷, да и сам список – московского происхождения (тем, по видимому, и можно объяснить изменения в тексте), поэтому вряд ли мы можем считать его репрезентативным в интересующем нас вопросе.

Далее в Третьем своде мы читаем:

И коли кн(я)зь Олгирдь понял за себе жону княжну Уल्याну витебскую, для которое ж кн(я)зь Олгирдь охрытился в рускую веру, а п(а)-**нове литовские вси были у своих верахъ поганских**, и кн(я)зь великии Олгирдь не чинил имъ силы и въ веру свою не вернулъ, а римское веры в Литве не было, **толко руская змешалася**.¹⁸

¹³ *Ibid.*, с. 143.

¹⁴ *Pomniki...*, р. 9–10.

¹⁵ *Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas = The Wavel Manuscript of the Lithuanian Chronicles*, parengė Kęstutis Gudmantas, Nadežda Morozova, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2017, р. 113–114 (Вавельский список; ср. в Хронике Быховца: *Pomniki...*, р. 22).

¹⁶ ПСРЛ, т. 35, с. 224: „У брата ж великого князя Олгирдава Кестутя, которой был на Троцѣх, было шесть сынов: первой Витовт, и когда скрестил **в рускую вѣру** дано ему имя Юрей, а когда крещен **в лятцкую вѣру** дано ему имя Александр.“

¹⁷ Ср. Вячаслаў Антонавіч Чамярыцкі, *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў*, Мінск: Навука і тэхніка, 1969, с. 160.

¹⁸ *Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas...*, р. 94. В Хронике Быховца имеется небольшое уточняющее добавление: „у gymskoie wiry w Litwe **paki uže** ne było“, см. *Pomniki...*, р. 20.

И опять о конфликтах на почве веры говорить не приходится.

Сообщение о православии Ольгерда в Третьем своде следует объяснить тем, что в нем использованы московские источники¹⁹. А не, например, *Анналы Яна Длугоша*, который писал о языческом ритуале похорон отца Ягайлы²⁰. (Правда, в *Хронике Мацея Меховиты*, воспроизводящей *Анналы Я. Длугоша* в сокращенном виде, эта информация опущена²¹).

Можно в этом усмотреть также влияние Олельковичей, с именем которых связывают протограф *Хроники Быховца*²². Однако не надо забывать, что в Третьем своде сразу после краткой характеристики религиозной ситуации в ВКЛ следует рассказ о Петре Гаштольде, который принял „лядскую веру“ и основал в Вильне францисканский монастырь. Так он – резюмирует летописец – „напервеи принял веру римскую и до Литвы принес“²³. Далее идет повествование о походе Ольгерда на Москву и убийстве монахов-францисканцев виленскими мещанами-язычниками, которых впоследствии на основе жалобы Гаштольда сурово покарает Ольгерд. Речь о хорошо известной легенде о францисканских мучениках. С ней летописцы преследуют нескольких целей – прославляют Гаштольдов как первых католиков в Литве и зачинают собственный католический литовский пантеон мучеников²⁴, заслоняющий легенду о трех виленских

¹⁹ Руфина Петровна Дмитриева, *Сказание о князьях Владимирских*, Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1955, с. 169, 181. Из них в *Хронику Быховца* также попало известие-вставка о гибели великого князя Витеня от грома, см.: *ibid.*, с. 166, 179; *Pomniki...*, р. 14 (см. также факсимиле несохранившегося оригинала *Хроники Быховца* – нумерованный лист рядом со с. 90). Ср. Надежда Морозова, *Вопросы языка и текстологии летописей Великого княжества Литовского: Хроника Быховца*: Дис. [...] д-ра гуманитарных наук. Vilnius, 2001, с. 49.

²⁰ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, lib. X, Varsaviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985, р. 166.

²¹ Mathias de Mechovia, *Chronica Polonorum*, Cracoviae: per Hieronymum Vietorem, 1521, р. CCLXXI.

²² Василий Алексеевич Воронин, „Витовт – герой Литвы, Ольгерд – герой Руси“, in: „*Места памяти*“ руси конца XV – середины XVIII в., (*Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*, кн. 4), отв. сост., отв. ред. серии Андрей Владимирович Доронин, Москва: РОССПЭН, 2019, с. 98–99.

²³ *Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas...*, р. 98.

²⁴ В 1520-е гг. складывалась Литовская провинция францисканцев-обсервантов, опекуном которых слыл сам О. Гаштольд, ср. Darius Baronas, *Vilniaus pranciškonų kankiniai ir jų kultas XIV–XX a. (Istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius: Aidai, 2010, р. 107–127. Вероятно, О. Гаштольд, виленский воевода (как и некогда его легендарный предок Петр) препо-

православных мучениках (последняя присутствует в московских летописях; в них Ольгерд выступает в роли учителя²⁵).

Еще один пример – „мать Ягеллонов“, четвертая жена Ягайлы Софья Гольшанская. Польские анналисты и Я. Длугош, Ян из Вислицы, Хроника Быховца (о связях поэмы Яна из Вислицы и Хроники Быховца мы уже писали²⁶) – считали ее русинкой²⁷. Более того, она сама таковой себя видела²⁸. Здесь прежде всего имеется в виду ее изначальное православие, которое противопоставлено обретенной ею позднее римо-католической вере. Но эпитафия, приписываемая Гжегожу из Санока, не оставляет места домыслу – в ней говорится, что покойная королева была „благородной крови русских князей“ (*Sanguine clara ducum Russie*)²⁹.

Марцели Антоневиц находит простое тому объяснение – Софья воспитывалась в православно-русском окружении ее дяди, кн. Семена Дмитриевича Друцкого³⁰. Но, судя по всему, из Польши все виделось по-другому – не только Софью, но и, например, Гедиминовичей Чарторыйских считали там в XV–XVI вв. русинами³¹. Отнесем сюда и упоминание в

дал исторический урок виленским мещанам, которые, согласно его донесению королю Сигизмунду Старому, осмелились с оружием в руках выступить против него, воеводы, см. *Lietuvos Metrika. Užrašymų knyga 14 (1524–1529)*, parengė Laimontas Karalius, Darius Antanavičius, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008, nr. 376 (318) [1524 г.].

²⁵ Darius Baronas, *Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija (Istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius: Aidai, 2000, p. 304–311.

²⁶ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae*, lib. XII (1445–1461), Cracoviae: Polska Akademia Umiejętności, 2003, p. 368; *Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum*, Cracoviae, 1516 (III. 98–100, 137); *Pomniki...*, p. 36, 41; Kęstutis Gudmantas, „Kitoks Žalgirio mūšio vaizdas: Lietuvos metraštis ir Jono Visliciečio poema ‘Prūsų karas’“, in: *Senoji Lietuvos literatūra*, 2005, kn. 19, p. 143–156.

²⁷ Zygmunt Wdowiszewski, *Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce*, Kraków: Avalon, 2005, p. 75; Гольшанские – древний литовский княжеский род; первый его известный представитель – Альгимонт.

²⁸ „Sophia regina Poloniae ex genere Ruthenico“ (1436 г.), in: *Bullarium Poloniae*, t. V: 1431–1449, ed. et cur. Irena Sułkowska-Kuraś et Stanislaus Kuraś; cooper. Maria Kowalczyk et Anna ac Hubertus Wajs, Romae–Lublina: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1995, nr. 526; Bożena Czwojdrak, *Zofia Holszańska. Studium o dworze i roli królowej w późnośredniowiecznej Polsce*, Warszawa: DiG, 2012, p. 17 (ошибочно *ex gente*).

²⁹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae*, lib. XII (1445–1461), p. 368 и 498 (ком. 91 – относительно авторства эпитафии).

³⁰ Marceli Antoniewicz, „Pochodzenie episkopatu litewskiego XV–XVI wieku w świetle katalogów biskupów wileńskich“, in: *Studia Źródłoznawcze*, 2001, t. 39, p. 61.

³¹ См. ниже сноску № 48.

числе прочих русских князей Юрия Лингвеньевича (внука Ольгерда) в Первом своде³².

На феномен „русских князей“ литовского происхождения (Гольшанских и Гедиминовичей) в источниках XV в. обратил внимание Сергей Полехов, который привел еще несколько подобных примеров³³. Судя по всему, здесь мы сталкиваемся с традицией, согласно которой рускость была синонимом православия³⁴ – в ней переплелись этничность и вера.

Также, естественно, возникает вопрос культурной и языковой ассимиляции³⁵. Но ни Гольшанские, ни тем более Гедиминовичи не теряли родового/династического самосознания; другое дело, что со временем, – с развитием историописания, – это династическое самосознание углублялось и переосмысливалось³⁶.

Итак, в рассматриваемых нами источниках заложена схема: **католик – лях, православный – русин**, характерная для русских летописей³⁷. Ее мы наблюдаем и позже – в XVII в. – у Мелетия Смотрицкого, Афанасия Кальнофойского и др.³⁸ Хотя и русь, и ляхи в летописях имеют также значение

³² ПСРЛ, т. 35, с. 34, 57, 76, 106–107 (этот свод создан, как известно, в Смоленске, т. е. он русский; тем не менее, словосочетание князи руские в некоторых списках Второго свода (Румянцевском, Рачиньском и Евреиновском) заменена на их, но появляется снова в Хронике Быховца, см.: ПСРЛ, т. 35, с. 163, 210, 231; *Pomniki...*, р. 46. Здесь заслуживает внимания замечание Анджея Янечека о рискованности поспешных обобщений без тщательного исследования источников, см. Andrzej Janeczek, „Ruś w Kogonie“, р. 166.

³³ Сергей Полехов, *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века*, Москва: Индрик, 2015, с. 84.

³⁴ Игар Марзалюк, *op. cit.*, с. 33 и сл.; Михаил Владимирович Дмитриев, „Народ благочестия русского...“, с. 462–463.

³⁵ Ср.: Игар Марзалюк, *op. cit.*, с. 62; Олег Уладзіміравіч Ліцкевіч, *op. cit.*, с. 24–80; Сергей Полехов, *op. cit.*, с. 84.

³⁶ Ср. Наталя Яковенко, *Дзеркала ідентичности. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття*, Київ: Laurus, 2012, с. 180–187.

³⁷ См. более широкий контекст в Роландас Пупинис, „Оппозиция свой – чужой: метод исследования общества ВКЛ XV–XVI вв.“, in: *Археология и история Литвы и северо-запада России в средневековье*, редактор и составитель Гедиминас Вайткавичюс, Вильнюс: Lietuvos istorijos institutas, 2013, с. 222–225.

³⁸ Kazimierz Chodynicki, *Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska*, Warszawa: Kasa imienia Mianowskiego – Instytut Popierania Nauki, 1934, р. 414. Многочисленные примеры на этот счет см. также в Михаил Владимирович Дмитриев, „Православное и ‘русское’ в представлениях о ‘русском народе’...“, с. 199–213.

этнонимов. Но „литовской веры“ в отличие от „русской“ или „польской“ мы в летописях не найдем³⁹.

РУСОФОБИЯ В ВКЛ XVI В.

Идиллическая картина мирного сосуществования католиков и православных в ВКЛ, которую мы наблюдаем в летописях, рушится в письмах канцлера Ольбрахта Гаштольда и в трактате Михалона Литвина.

Мемориал Гаштольда от 1525 г. адресован королеве и великой княгине Боне Сфорца и направлен против Константина Острожского и Радзивиллов⁴⁰. Канцлер отвечает на обвинения массивной подборкой кляуз на политических противников: „русский князек“ (*ruthenus ducaculus* – так об Острожском!) – виновник поражений ВКЛ в войне с Московией; русины – коварные изменники по природе своей (*Quodsi Serenitas vestra utriusque cor nostrum intueretur et cognosceret uti deus, nempe cerneret illud in adversario meo rutheno duplex perversum, simulatum et non rectum ac natura et illud more ruthenico olens nunquam fidum domino [...]; per calumniam, quam assuevit laborare, uti omnes fere natura suapte Rutheni facere sciunt; superbia et astutia Ruthenica; habent modum suum Rutheni, quo decipiant homines*). Притом русинами здесь названы не только Острожский, но и его тесть Юрий Олелькович Слуцкий, и „предки“ последнего – 1) князья Чарторыйские („убийцы великого князя Сигизмунда Кейстутовича“ (1440)), 2) Михаил Олелькович и Иван Гольшанский (участники „заговора князей“ (1481)). Все они, хоть и православные, были литовского происхождения, а Чарторыйские и Олельковичи – Гедиминовичи. Не говоря уж о том, что мать самого канцлера была из Гольшанских, а родная тетка Мария Гаштольд – была женой Семена Олельковича, брата заговорщика⁴¹.

³⁹ Василий Алексеевич Воронин, „На пути к современной литвинской нации...“, с. 140.

⁴⁰ „Albertus Gastold, Palatinus Vilmensis, Bone Sphortie, Regine Polonie. Contra ducem Constantinum de Ostrogk et contra Radivillones“, in: *Acta Tomicianae*, t. VII, Posnaniae: Typis Ludovici Merzbachiensis, 1857, p. 258–269 (nr. XXXVI).

⁴¹ О Гаштольде см. Maria Kuźmińska, „Olbracht Marcinowicz Gasztold“, in: *Ateneum Wileńskie*, 1927, t. 4, z. 13, p. 349–391; 1928, t. 5, z. 14, p. 121–174. Новые материалы об отношениях Гаштольдов с Католической Церковью (в том числе жены канцлера княжны Софьи Вереysкой) см. в *Acta primae Visitationis diocesis Vilmensis anno Domini*

Как видно, Гаштольд принципиально приравнивает „кровь“ и „веру“. Он апеллирует к королеве, прекрасно зная, что при краковском дворе (да и в польской традиции в целом) господствовало предвзятое мнение на этот счет⁴².

Вероломству русинов и их союзников Радзивиллов канцлер противопоставляет собственную верную службу государю (Сигизмунду Старому) и государству (*Reipublice*), и напоминает о заслугах своих предков (по Гаштольду, добродетели наследуются и приумножаются в потомках)⁴³. Здесь одной стороне приписывается врожденное коварство и склонность к измене, а другой – верное и самоотверженное служение. Но насколько распространенными были подобного рода антирусинские настроения?⁴⁴

1522 *peractae*: *Vilniaus kapitulos archyvo Liber Iib atkūrimas*, sud., tekstus iš rankraščių parengė [...] Stephen C. Rowell, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015, p. 78–79, 141–143, 154–163 и др.

⁴² См.: Rimantas Jasas, „Lietuvos kanclerio Alberto Goštauto memorialas karalienei Bonai (1525)“, in: Šešioliktojo amžiaus raštija, sudarytojai Algis Samulionis, Rasa Jurgelėnaitė ir Darius Kuolys, redaktorius Sigitas Narbutas, Vilnius: Pradai, 2000, p. 29–30. Здесь можно привести разные высказывания о „вероломности русинов“ – от Я. Длугоша (XV в.) до Станислава Гурского (1544); впоследствии эта характеристика закрепится за москвитами, см. *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae*, lib. III, lib. IV, Varsaviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970, p. 321; Roman Krzywy, „Graeca fides a moskiewska wiarołomność w dyskursie staropolskim – z dziejów stereotypu“, in: *Przegląd Filozoficzno-Literacki*, 2017, Nr. 3–4, p. 488. См. также ниже ссылку № 48. По меткому замечанию Римантаса Ясаса, в таких случаях слов не выбирали, см. Rimantas Jasas, *op. cit.*, p. 29. Создается впечатление, что „мемориал“ написан в порыве гнева, но, как показывают исследования последних лет, это была вполне конвенциональная реакция и даже определенная риторическая стратегия, см. Стивен Д. Уайт [Stephen D. White], „Гнев и политика“, in: *История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже – веков*, под общей ред. Михаила Крома, Давида Сэбиана, Гади Альгази, Санкт-Петербург: Алетейя, 2006, p. 33–69.

⁴³ Это аристократический взгляд на порядок вещей. Для сравнения об аналогичных представлениях французского дворянства XVI в. см. Василий Рудольфович Новоселов, „Право на дуэль и социальная репутация во Франции XVI в.“, in: *Право в средневековом мире*. Сб. ст., вып. 2–3, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001, с. 242.

⁴⁴ Раймонда Рагаускене вполне справедливо называет „антирусинскость“ канцлера ситуативной („моментной, или другими словами, контекстной“), обусловленной сиюминутными политическими резонами, см. Raimonda Ragauskienė, „Rusėniška XV a. pab. – XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų – valdovių ir didikų – korespondencija“, in: *Istorija. Mokslo darbai*, 2009, t. 76, p. 24. Однако, как мы увидим в дальнейшем, ее проявления не были единичными.

В 1534 г. Гаштольд напишет своему тогдашнему приятелю, великому гетману Юрию Радзивиллу, что его (Радзивилла) хулители „суть люди руского прирожена, ради то поведают, чого не видевши ани слышавши“⁴⁵. Имена не указаны („тые два панове, зят и з шурином“), поскольку Гаштольду и его адресату они были хорошо известны; их наречение даже напоминает прозвища. А как мы знаем, в начале Стародубской войны (1534–1537) у гетмана Радзивилла был конфликт дисциплинарного характера с Ильей Острожским (несостоявшимся зятем – согласно предварительной договоренности, Илья должен был жениться на дочери Радзивилла Анне)⁴⁶. Другое упомянутое лицо – это, возможно, Юрий Олелькович, женой которого была Елена Радзивилл... Впрочем, Олельковичи, Чарторыйские, и отчасти Гольшанские, ассимилировались...⁴⁷

Можно вспомнить слова М. Меховиты, де литовцы еще в его время пели грустную песню о том, что „дерзкие князи Руси убили князя Литовского Сигизмунда“ (*De hoc carmen lugubre usque in aetatem meam Lithuani concinnebant. Audaces Principes Russiae occiderunt Sigismundum ducem Lithuaniae etc.*⁴⁸).

⁴⁵ Приписка на отдельном листе-вкладыше к письму: Вильно, 25.10.[1534] (AGAD).

⁴⁶ Tomasz Kempa, *Dzieje rodu Ostrogskich*, Toruń: Wydaw. Adam Marszałek, 2003, p. 57, 59. О Стародубской войне подробнее см. Михаил Маркович Кром, *Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений*, Москва: Издательский дом „Рубежи XXI“, 2008.

⁴⁷ О Гольшанских как приверженцах православия можно говорить до кон. XV в., (за исключением Дубровицкой ветви рода). Главная ветвь рода перешла в католичество в конце упомянутого столетия. Об этом было известно и раньше, но недавно в Ватиканском архиве обнаружена подтверждающая это супликация кн. Марины Трабской от 1500 г., см. Darius Baronas, Stephen C. Rowell, *The Conversion of Lithuania: from Pagan Barbarians to Late Medieval Christians*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2015, p. 399–400. О православных в элите ВКЛ см. Genutė Kirkienė, *LDK politikos elito galingieji: Chodkevičiai XV–XVI amžiuje*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008, p. 36–42 и др.

⁴⁸ Mathias de Mechovia, *op. cit.*, p. CCCIX. Фольклористы считают эту информацию достоверной, см. Ambraziejus Jonynas, *Lietuvių folkloristika iki XIX a.*, Vilnius: Vaga, 1984, p. 34–35. Вместе с тем нельзя исключить натяжки, поскольку предводитель заговорщиков кн. Иван Чарторыйский назван у Меховиты „русином греческой веры“ (*Dux Iwan Czartorziczki Ruthenus de ritu graeco*, см. Mathias de Mechovia, *op. cit.*). М. Меховита здесь почти дословно повторяет Я. Длугоша, ср. *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, lib. XI et XII, Varsaviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2001, p. 216: *dux Iwan Czarthoryski ritus et generis Ruthenici*. То есть можно говорить о

Как бы продолжая линию бывшего тестя, Варвара Радзивилл в письме к матери (от 19 июля 1549 г.) приводит, по-видимому, распространенную среди польской и литовской элиты поговорку, предостерегая ее принимать у себя Григория Ходкевича: „Волк прирученный и **русин крещенный** дьяволу годен“ (*yako ouo товуг: „Vylk chovany a Rvszyn krczony dyuablv szye godzy“*)⁴⁹. Обрусевшая элита Литвы свысока смотрели на русинов⁵⁰, услугами которых (от писарей до кредиторов) они пользовались и с которыми плечом к плечу сражались против татар и московитов⁵¹.

Михалон Литвин (Венцлав Микалоевич)⁵², бывший секретарь Гаштольда, в своем трактате (1550), посвященном великому князю Сигизмунду Августу, призывает отказаться от „московских писъмен“ (кириллицы):

У нас, к сожалению, нет гимназий. Мы изучаем московские писъмена (*litteras Moscoviticis*), не несущие в себе ничего древнего, не имеющие ничего, что бы побуждало к доблести, поскольку рутенский язык (*idioma Ruthenum*) чужд нам, литвинам, то есть итальянцам (*Italianis*), происшедшим из итальянской крови.⁵³

некой польской традиции именованя православных князей ВКЛ независимо от их этнического происхождения.

⁴⁹ Фото оригинала см. в Raimonda Ragauskienė, Aivas Ragauskas, *Barboros Radvilaitės laiškai Žygimantui Augustui ir kitiems*, Vilnius: Vaga, 2001, nr. 10. Ср.: Raimonda Ragauskienė, *Barbora Radvilaitė*, Vilnius: Vaga, 1999, p. 76; Genutė Kirkienė, *op. cit.*, p. 111–112 (по мнению Генуте Киркене, хотя фраза „русин крещенный“ и подразумевала католическое (т. е. повторное) крещение, Григорий лавировал между католичеством и православием, и на самом деле был униатом).

⁵⁰ Jerzy Ochmański, „The National Idea in Lithuania from the 16th to the First Half of the 19th Century: The Problem of Cultural-Linguistic Differentiation“, in: *Harvard Ukrainian Studies*, 1986, vol. 10 (3/4), p. 303.

⁵¹ О русинах в окружении Гаштольда см. Raimonda Ragauskienė, „Rusėniška...“, p. 24. Более половины радзивилловской клиентелы составляли русины, см. Eadem, „XVI a. Radvilų požiūris į Lietuvos vietą Europoje“, in: *Europos idėja Lietuvoje: istorija ir dabartis*, sud. D. Staliūnas, Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2002, p. 74.

⁵² О нем см.: Jerzy Ochmański, „Michałaon Litwin i jego traktat o zwyczajach Tatarów, Litwinów i Moskwcinów z połowy XVI wieku“, in: *Kwartalnik Historyczny*, 1976, t. 83, Nr. 4, p. 765–783; Marcelinas Ročka, *Mykolas Lietuvis*, Vilnius: Mokslas, 1988.

⁵³ Цит. по: Михалон Литвин, *О нравах татар, литовцев и москвитян*, пер. В. И. Марьковой, Москва: МГУ, 1994, с. 85–86 (исправ.); *Michalonis Lituani De moribus Tartarorum, Lituatorum et Moschorum fragmina X, multiplici Historia referta*. [...], Basileae: apud Conradum Waldkirchium, 1615, p. 23).

Далее Михалон приводит обширный список латинских слов (схожих по значению и звучанию с литовскими) и коротко излагает римский этногенетический миф литовцев, пишет об освобождении руси доблестными („по природе“) литовцами от неволи татарских баскаков и предостерегает от коварства московитов (особенно советует не доверять беглецам, которые шпионят в пользу московского государя)⁵⁴.

Похожий совет – отказаться от русского языка (потому что: 1) это язык врага – московитов, 2) грамматически неурегулированный язык) и перейти в деловой письменности ВКЛ на латынь – дает виленский войт Август Ротундус (Мелеский) в своем посвящении Стефану Баторию, сопровождающим латинский перевод Второго Литовского Статута (1576)⁵⁵.

Согласно Ротундусу, у некоторых знатнейших русинов – общее с литовцами (римское) происхождение, только они выбрали греческое заблуждение и таким образом отделились от литовцев⁵⁶:

Russorum etiam nobilissimos quosque eisdem cum eis (Lituaniis – К. Г.) origines habere, ex huius propagationis descriptione apparebit, sed ob religionis diuersae cultum, qua Graecos infelici errore imitari maluerunt, a Lituaniis seiunctos esse.

Здесь Ротундус анонсирует эпизод из далее следующей „Краткой истории правителей Литвы“ – в нем говорится о „княжеских родах Литвы и Руси“ (Ольгердовичах) и особенно выделены Олельковичи-Слуцкие и представитель 6 колена, отсчитывая от самого Ольгерда – князь Юрий⁵⁷.

⁵⁴ Михалон Литвин, *op. cit.*, с. 86–87, 95–96; *Michalonis Lituani De moribus...*, p. 23–24, 32–33.

⁵⁵ [Augustinus Rotundus], „Serenissimo Principi ac Domino, Domino Stephano Dei gratia Poloniae Regi, Magno Duci Lituaniae [...]“, in: *Archiwum Komisji Prawniczej*, t. VII, Kraków, 1900, p. XVIII–XXI. О Ротундусе см. Maria Baryczowa, „Augustyn Rotundus Mielecki, wójt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy“, in: *Ateneum Wileńskie*, 1935, t. X, p. 71–96; 1936, t. XI, p. 117–172. Подробнее о взглядах на руску мову в сочинениях Михалона Литвина и Августина Ротундуса см.: Pietro U. Dini, *Aliletoescvr: Linguistica baltica delle origini. Teorie e contesti linguistici nel Cinquecento*, Livorno: Books & Company, 2010, p. 532–539; Idem, *Prelude to Baltic Linguistics. Earliest Theories about Baltic Languages (16th century)*, Amsterdam, New York: Rodopi, 2014, p. 53–64.

⁵⁶ [Augustinus Rotundus], *op. cit.*, p. XIX.

⁵⁷ [Augustinus Rotundus], „Epitome Principum Lituaniae a migratione Itolorum P. Libone vel, ut Lituania historia scribit, Palemone duce usque ad Jagellones“ in: Jan Jakubowski, *Sudya*

Но лишь часть Ольгердовичей приняли веру своей матери – тверской княжны Марии, другие вслед за Ягайлом приняли римскую веру⁵⁸.

Интересная деталь: в „Беседе поляка с литвином“ (1564–1565), приписываемой Ротундусу, постулируется добровольное подчинение руси литве, которая затем постепенно перенимает русский язык; автором здесь используется выражение „смешение языков“⁵⁹ – для сравнения, в Третьем своде говорилось о „смешении (проникновении) веры“.

ИННОВАЦИИ МАЦЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО

Следующий шаг делает Стрыйковский, младший современник виленского войта и также эмигрант из Короны. С Ротундусом Стрыйковского объединяла идейная близость, связи с Яном Ходкевичем, оба при напи-

nad stosunkami narodowoścziowemi na Litwie przed Unią Lubelską, Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1912, p. 102. „Краткая история“ создана по образцу сочинения Яна Лаского (1506), помещенного в начале Статута Короны Польской, см. *Commune incliti Polonie Regni privilegium* [...], Cracoviae: in edibus Johannis Haller, 1506, l. ij_{verso}–vij_{recto}. О „Краткой истории“ см. также Яўген Станіслававіч Глінскі, „Eritome principum Lituaniae“ у кантэксте гістарычнай думкі Вялікага Княства Літоўскага ў XVI стагоддзі“, in: *Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*, вып. 4, Мінск, 2011, с. 263–299.

⁵⁸ [Augustinus Rotundus], *op. cit.*, p. 101. Ротундус вслед за Марцином Кромером (1555) считает матерью всех сыновей Ольгерда Марию тверскую. На самом деле старших Ольгердовичей родила первая жена Ольгерда – витебская княжна Мария (?), а младших – вторая жена Юлиана тверская, см. Joannes Pistorius, *Polonicae historiae corpus*, Basileae: per Sebastianum Henricpetri, 1582, t. II, p. 632. Ср.: S. C Rowell, *Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe, 1295–1345*, Cambridge: Cambridge University Press, 1994, Genealogical tabel 2(a); Jan Tęgowski, *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*, Poznań, Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999, p. 48–53; Dariusz Dąbrowski, „Radosławle kniazey Wytebskich – analiza porównawcza treści“, in: *Genealogia. Studia i Materiały Historyczne*, 2002, t. 14, p. 31–69.

⁵⁹ „Rozmowa Polaka z Litwinem [...]“, in: *Šešioliktojo amžiaus raštija*, p. 263–264; *y tu się iuż iął Ruski ięzyk z Litewskim mięszac, bo Ruś byli boiowi y ozdobni a wzdzięczni u Litwy ludzie, przeto im kwoli ięła się Litwa po Rusku mowić* [...]. Любопытно, что в „Краткой истории“ Ротундус возвращается к концепции летописей – говорит лишь о завоевании Руси, см. [Augustinus Rotundus], *op. cit.*, p. 97. Коротко отметим здесь, что различие не только условия, в которых были созданы эти два сочинения; возможно, у Беседы было несколько авторов, см. Ingė Lukšaitė, *Reformacija Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir Mažojoje Lietuvoje. XVI a. trečias dešimtmetis – XVII a. pirmas dešimtmetis*, Vilnius: Baltos lankos, 1999, p. 533.

сании исторических сочинений пользовались схожими источниками, в том числе найденной Ходкевичем в Ливонии рукописью „Хроники земли Прусской“ Петра Дусбургского. Различали их уровень образования (у Ротунда – коллегий Любранского и Падуанский университет, у Стрыйковского – приходская школа в Бжезинах) и положение в обществе. Вершина „карьеры“ Стрыйковского – должность жомойтского каноника и место плебана в провинциальном Юрборке (ныне Юрбаркас)⁶⁰.

Покровительство Юрия Олельковича-Слуцкого, жомойтского епископа Мельхиора Гедройца, Ходкевичей и др. представителей тогдашней элиты ВКЛ не могло не повлиять на содержание сочинений Стрыйковского⁶¹. В своей неопубликованной хронике-поэме „О начале, выводе, мужестве, делах рыцарских и домашних славного народа литовского, жомойтского и русского“ (ок. 1577)⁶² Стрыйковский предка Ходкевичей „находит“ в легендарном прошлом в Жемайтии. Он выдумает поединок „жмудзина Борейко“ с татаринoм-великаном⁶³, а также поединок „Борейковича литвина“ с крестоносцем, – этот поединок якобы состоялся

⁶⁰ Zbysław Wojtkowiak, *Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1990.

⁶¹ Это давно установленны факты, см. *ibid.* Например, наш „историк и поэт“ журит шляхту за забвение литовского языка, см. Maciej Strykowski, *O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego [...]*, oprac. Julia Radziszewska, Warszawa: PIW, 1978, p. 89. Здесь можно усмотреть влияние епископа Гедройца, который, согласно преданию, читал проповеди на литовском. Как мы знаем, другой его подопечный – каноник Микалоюс Даукша – в предисловии к Постилле (1599) также корил шляхту за пренебрежение к родному языку.

⁶² Датируется по королевскому привилею-апробированию, дата которого (1577) указана в списке Библиотеки Варшавского университета, см. Julia Radziszewska, „Maciej Strykowski i jego dzieło“, in: Maciej Strykowski, *O początkach...*, p. 20. О Началах М. Стрыйковского упоминает Бартош Папроцкий (Bartosz Paprocki, *Gniazdo Cnoty: z kąd Herby Rycerstwa sławnego Krolestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Zmudzkiego, y inszych Państw do tego Krolestwa należących Książąt, y Panow, początek swoy maiq*, w Krakowie, 1578, p. 1157). Написание этой хроники-поэмы заняло у М. Стрыйковского, по мнению Збыслава Войтковяка, больше времени, чем это принято считать, и продолжалось с 1571 по 1578–1579 г., см. Zbysław Wojtkowiak, *op. cit.*, p. 192–210.

⁶³ Maciej Strykowski, *O początkach...*, p. 239–242. Правда, что-то ему могли подсказать и Ходкевичи. Заказчиком легенды Г. Киркене считает Яна Ходкевича, см. Genutė Kirkienė, *op. cit.*, p. 72. Однако трудно согласиться с ее утверждением, что Борейки были известны уже во времена Гедимина, поскольку о Борейке сообщают лишь довольно поздние московские сочинения, см. Руфина Петровна Дмитриева, *op. cit.*, с. 167, 179.

в Жемайтии в реке Юре, по которую крестоносцы установили границу между Орденом и Литвой⁶⁴ – здесь явно использован сюжет Третьего свода о предке Немировичей боярине Немире и р. Угре, по которой была установлена граница меж Литвой и Москвой⁶⁵. Хотя Стрыйковский резко критиковал летописцев (как неряшливых простаков, прозывая их московскими писарями / дьяками⁶⁶), он и сам пользовался их методом – тиражировал найденные в источниках (в тех же летописях) мотивы и сюжеты.

Далее на тему происхождения Ходкевичей Стрыйковский делает обобщение, что они – не русины, хотя и греческой/русской веры – еще во времена Войшелка, сына Миндовга, в Литве распространилась „греческая вера“, которую приняло „много литовских панов“:

Tak tedy, czytelniku, wiedz o Chodkiewiczach,
O starożytnych z dawna litewskich dziedzicach.
A nie szacuj ich z Rusi według greckiej wiary,
Jedno jest w tych stronach grecki zakon stary,
Bo Wolsztynek, Mendogów syn, w ruskim zakonie
Trwając, tę wiarę z dawna rozmnożył w tej stronie,
Którą wiele litewskich panów przyjmowało [...].⁶⁷

То есть, мы видим, что Стрыйковский модифицирует концепцию Третьего свода, согласно которой, паны оставались язычниками. В хронике-поэме он также пропускает информацию упомянутого свода о православном крещении Ольгерда и Витовта. По Стрыйковскому выходит, что Ольгерд умер язычником⁶⁸. В Хронике (1582) все-таки идет речь о

⁶⁴ Maciej Strykowski, *O początkach...*, p. 270–271. Примечательно, что на М. Стрыйковского по поводу Ходкевичей сослался и Б. Папроцкий, см. Bartosz Paprocki, *op. cit.*, p. 1157.

⁶⁵ *Pomniki...*, p. 38.

⁶⁶ Maciej Strykowski, *O początkach...*, p. 34. Cp. Idem, *Ktora przedtym nigdy swiatła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka y wszystkiej Rusi [...]* Przez Macieia Osostewiciusa Strijkowskiego [...], w Krolewcu: u Gerzego Osterbergera, 1582 (далее – Maciej Strykowski, *Kronika*), p. 288, 635. Здесь, безусловно, слышен отзвук „московских писем“.

⁶⁷ Maciej Strykowski, *O początkach...*, p. 243.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 293; Maciej Strykowski, *Kronika*, p. 460. По поводу использования М. Стрыйковским *Анналов Я. Длугоша* идет дискуссия, см. Альбина Аляксандраўна Семенчук, „К вопросу об источниках Хроники Мацея Стрыйковского“, in: *Славяноведение*, 2014, № 2, с. 67–70.

православном крещении Ольгерда ради его жены Юлиании витебской⁶⁹, хотя (делает заключение Стрыйковский) новая вера не смогла побороть языческие привычки великого князя (Стрыйковский тут приводит поговорку: „swieża skogupa tłuścioćią smrodliwą nawrzała, starą przuwarą wopiała“). По утверждению Стрыйковского, почти все Гедиминовичи за исключением Кейстута стали христианами „русского обряда“. Это – тоже шаг вперед, по сравнению с Ротундусом, хотя позиция виленского войта в историческом плане была более обоснованной.

Также, как бы продолжая линию Ротундуса, Стрыйковский в маргинальной глоссе делает поправку к выше цитированному сообщению Меховиты по поводу жалобной песни об убийстве великого князя Сигизмунда Кейстutowича русскими князьями: „Князь Чарторыйский не был русином, но литвином Ольгирдовичем, [он] лишь имел удел на Руси и придерживался русской веры“ (*Czartoriyski Kniaź nie był Ruśin, ale Litwin Ołgerdowic, tylko miał wdział na Ruśi, y wiarę Ruską trzymał*)⁷⁰.

Как мы уже убедились, Мацей Стрыйковский четко различает *natio* и *confessio*, этничность и веру⁷¹.

Возвращаясь к Ходкевичам, следует отметить следующее: они утвердились в Жемайтии в середине XVI в. как старосты жомойтские. Иероним Ходкевич в 1536–1537 гг. женился на Анне Шеметовне, представительницей

⁶⁹ Maciej Strykowski, *Kronika*, p. 424. См. сноски № 58.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 591. В хронике-поэме этой ремарки нет. Кажется, прав В. Нехринг (Władysław Nehring, *O historykach polskich szesnastego wieku*, cz. 2: *O życiu i pismach Joachima Bielskiego*, Poznań, 1860, p. 44), который считал, что на поправку М. Стрыйковского отреагировал Иоахим Бельский, см. *Kronika Polska, Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioach. Bielskiego syna iego wydana*, [w] Krakowie, 1597, p. 360. Тем не менее, едва ли можно согласиться с Д. Куолисом в том, что поправку М. Стрыйковского приняли польские хронисты, поскольку в польских переводах нач. XVII в. сочинений Марцина Кромера и Алессандро Гваньини Иван Чарторыйский назван русином, см.: [Marcin Kromer], *Marcina Kromera biskupa warmińskiego O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach Koronnych Polskich: ksiąg XXX. Przez Marcina Błażowskiego z Błażowa: wyraźnie na Polski ięzyk przetłumaczone [...]*, [w] Krakowie, 1611, p. 420; *Kronika Sarmacyey Europejskiej [...]* Przez Alexandra Gwagnina z Werony [...], [w] Krakowie, 1611, l. Tt; Dariusz Kuolys, *Asmuo, tauta, valstybė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorinėje literatūroje (renesansas ir barokas)*, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1992, p. 97.

⁷¹ Cp. Mathias Niendorf, *Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795)*, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006, p. 77–79.

одного из наиболее состоятельных родов Жемайтии⁷², и если в 1545 г. Сигизмунд Август назначил Иеронима Ходкевича старостой жомойтским вопреки воли жемайтов, то сын Иеронима и Анны Шеметовны Ян жемайтами уже воспринимался как свой – в 1563 г. господарь Яна Ходкевича старостой назначил по их просьбе. Ян также был наместником Сигизмунда Августа в Ливонии (1566–1578) и маршалом ВКЛ (1566–1579); также нельзя забывать, что „жемайтская линия“ Ходкевичей не отличались от литовской элиты и в вопросах веры: Иероним из католицизма перешел в лютеранство, а Ян, от рождения католик, потом, как и его отец – лютеранин, а под конец жизни – опять католик⁷³.

Важно еще подчеркнуть, что в третьей четверти XVI в. Ходкевичи становятся вторым родом ВКЛ по состоянию имущества после Радзивиллов⁷⁴ – т. е. новая конъюнктура второй половины XVI в., с которой Стрыйковскому приходилось считаться.

И, конечно, отнюдь не случайное совпадение, что чуть раньше появления выше указанных сюжетов в хронике-поэме Стрыйковского о предках Ходкевичов, последние старались доказать свои „литовские корни“ – в тексте привилея Сигизмунда Августа на графский титул Ходкевичам (1568) упоминается „древний род Борейков“, служивший великим князям литовским еще до принятия христианства⁷⁵. (Для сравнения, несколькими годами раньше Ротундус выводил Ходкевичей от Хоцки, также называя их „знатным и старым“ родом Литвы: „Przodek Panow Chockowiczow, ktory iako wiesz, iest w Lithwie dom zacny u stharyżytny.“⁷⁶)

⁷² Genutė Kirkienė, *op. cit.*, p. 111, 143, 161; Eugenijus Saviščevas, *Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010, p. 169–171.

⁷³ Genutė Kirkienė, *op. cit.*, p. 110–111, 168–175. Как отмечено в историографии, протестантизм, на смену которому через одно-два поколения приходило католичество, являлся традиционным „трамплином“ в элиту ВКЛ для русинов. Разумеется, этому способствовали и браки с представительницами местных родов, ср. Маргарита Евгеньевна Бычкова, *Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя*, Москва: Изд. центр ИРИ, 1996, с. 48–49.

⁷⁴ Genutė Kirkienė, *op. cit.*, p. 111, 143, 149–167.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 72. NB: род Борейков (Борейки) действительно существовал, о нем см. Rimvydas Petrauskas, *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*, Vilnius: Aidai, 2003, p. 216–217.

⁷⁶ „Rozmowa Polaka z Litwinem [...]“, p. 244; Dariusz Kuolys, *op. cit.*, p. 97.

С Ходкевичами удобно сравнить их своеобразных „младших братьев“ Воловичей. Из сюжета Хроники Быховца о Хойницкой битве, в котором некий Вол спасает великого князя Казимира Ягайловича, обстреливая врагов из лука (ср. стрелы в гербе Воловичей⁷⁷), можно лишь догадываться, что речь идет о предке Воловичей. В своей хронике-поэме пересказывая эту историю Стрыйковский уже прямо называет Вола предком Воловичей и литовским шляхтичем⁷⁸; интересно, что лишь в основном тексте Хроники 1582 г. Вол назван литовским шляхтичем, а в маргинальной глоссе – уже руским⁷⁹. Причин такого поведения могло быть несколько – с одной стороны, Стрыйковский в Хронике более сдержан, здесь историк явно превалирует над поэтом, но с другой стороны память о русском происхождении Воловичей должна была быть еще очень свежей... Также исчезают сюжеты о поединках Борейки и Борейковича, чтобы легенда о силаче Борейке, победителе татарина, потопом вновь возродилась в XVII в. в гербовнике Альберта Виюка-Кояловича⁸⁰.

Но опять же в „Радивиляде“ Ян Радван Григория и Яна Ходкевичей назовет „двойной надеждой литовцев“ (*Chodchevicio de sanguine creti*

⁷⁷ *Pomniki...*, р. 59–60; Аляксей Шаланда, „Казімер Ягайлавіч і гербавая легенда роду Валовічаў“, in: *Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына. Мат-лы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Гальшаны – Навагрудак, 8–10 верасня 2006 г.*, Мінск: Беларуская навука, 2007, с. 243–265.

⁷⁸ Maciej Strykowski, *O pocztkach...*, р. 482–486.

⁷⁹ Maciej Strykowski, *Kronika*, р. 624–625; Аляксей Шаланда, „Геральдыка Валовічаў XVI–XVIII стст.: міфы і рэальнасць“, in: *Unus pro omnibus: Валовічы ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст.*, Мінск: Медысонт, 2014, с. 151.

⁸⁰ Wojciech Wijuk Kojalowicz, *Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium*, w Krakowie: w drukarni „Czasu“, 1897, р. 62; Albertas Kojalavičius-Vijūkas, *Sacer nomenclator familiarum et stemmatum Magni Ducatus Lituaniae et provinciarum ad eum pertinentium*, transtulit Sigitas Narbutas, Vilnius, 2015, р. 88–90. В своем гербовнике (были созданы две его версии – сокращенная польская и пространная латинская) В. Виюк-Коялович представил коллективный портрет шляхты ВКЛ. Можно сказать, что литовский полигистор подвел итоги литуанизации русской шляхты – в латинской версии его гербовника роды изначально русского происхождения иногда именуется литовскими (*domus Litwana*, хотя доминирует более нейтральная запись: *in Lituania domus / familia*).

Еще одна важная для нашей темы работа В. Виюка-Кояловича – Albertus Wuiuk Kojalowicz, *Miscellanea rerum ad Statum Ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentium* (Vilnae, 1650), по сути, религиозная история ВКЛ, где много внимания уделено православию и церковной унии в ВКЛ, – заслуживает отдельной статьи.

Magnanimi Fratres, [...] spes geminae Litavum, 1592)⁸¹; и как тут не вспомнить, что того же Григория Варвара Радзивилл нарекала „крещенном русином“.

Среди множества возможных примеров приведем еще один – о виленском епископе Валерияне Протасевиче. В стихотворном пасквиле, появившемся в 1555 г. в среде виленского духовенства, Протасевич назван русином (*ex Ruthenorum, Ruthenus*, что было правдой), недостойным места виленского епископа (ему противопоставляется в то время находившийся при смерти епископ Павел Гольшанский⁸²), а спустя сорок лет в „Цензуре“ Прокопа Балтроевича (1598) уже покойный Протасевич вспоминается как „Валериян [...] добродетельный и святой епископ литвин“ (*Walerian [...] cnotliwy y święty Biskup Litwin*)⁸³.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В исторических текстах ВКЛ XVI в. мы наблюдаем сдвиг в изображении „религиозного прошлого“ этого государства – если с начала идет речь о переходе отдельных князей из язычества в „русскую веру“ / „становления русинами“ (Второй и Третий свод летописей), то впоследствии говорится о принятии „многими панами“ православия и при этом непереставая быть литвинами (Стрыйковский).

Вполне очевидно, что историописание ВКЛ отражало изменения, которые происходили в обществе. В середине – второй половине XVI в.

⁸¹ Joannes Radvanus, *Opera* = Jonas Radvanas, *Raštai*, transtulit Sigitas Narbutas, Vilnius: LLTI, 2009, p. 132; Владимир Короткий, „Литва, ‘Русь’, ‘литвин’, ‘русин’ в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI – XVII веков“, in: *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*, (*Bibliotheca archivi Lithuanici*, [t.] 7), Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009, p. 192.

⁸² Как известно, П. Гольшанский подчеркивал свое древнее литовское происхождение. С этой целью он даже добавил себе второе имя – *Algimund / Algimunt*, см.: Vytautas Ališauskas [et al.], *Lietuvos katalikų dvasininkai XIV–XVI a.*, Vilnius: Aidai, 2009, nr. 1877; Karol Estreicher, *Bibliografia Polska*, t. 25, Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1913, p. 312; Marcelinas Ročka, *Rinkiniai raštai*, par. M. Vaicekauskas. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002, p. 140–143.

⁸³ „Censura, albo Zdanie y uważenie Prokopa Bałtromieiwicza. O Nominacyey Biskupa Wileńskiego [...] [Wilno,] 1598“, in: *Šešioliktojo amžiaus raštija*, p. 418. Ср. у В. Виюка-Кояловича – *Valerianus Protaszewicz Szuszkowski natione Lituanus*, см. Albertus Wiliuk Koiłowicz, *Miscellanea rerum...*, p. 78. О В. Протасевиче см. Vytautas Ališauskas, *op. cit.*, nr. 2536.

произошло значительное „вливание“ русских родов в литовскую правящую элиту. Меж русью и литвой стирались конфессиональные барьеры, формировался единый „шляхетский народ ВКЛ“ (*natio Lithuanica*).

РУКОПИСИ

AGAD – *Archivum Radziwiłłów*, Dz. XI, 17.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Acta primae Visitationis diocesis Vilnensis anno Domini 1522 peractae: Vilniaus kapitulos archyvo Liber IIb atkūrimas, sud., tekstus iš rankraščių parengė [...] Stephen C. Rowell, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015.

„Albertus Gastold, Palatinus Vilnensis, Bone Sphortie, Regine Polonie. Contra ducem Constantinum de Ostrogk et contra Radivillones“, in: *Acta Tomiciana*, t. VII, Posnaniae: Typis Ludovici Merzbachiensis, 1857, p. 258–269 (nr. XXXVI).

Ališauskas Vytautas [et al.], *Lietuvos katalikų dvasininkai XIV–XVI a.*, Vilnius: Aidai, 2009.

Antoniewicz Marcei, „Pochodzenie episkopatu litewskiego XV–XVI wieku w świetle katalogów biskupów wileńskich“, in: *Studia Źródłoznawcze*, 2001, t. 39, p. 47–68.

Baryczowa Maria, „Augustyn Rotundus Mieleski, wójt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy“, in: *Ateneum Wileńskie*, 1935, r. X, p. 71–96; 1936, r. XI, p. 117–172.

Baronas Darius, Rowell Stephen C., *The Conversion of Lithuania: from Pagan Barbarians to Late Medieval Christians*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2015.

Baronas Darius, *Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija (Istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius: Aidai, 2000.

Baronas Darius, *Vilniaus pranciškonų kankiniai ir jų kultas XIV–XX a. (Istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius: Aidai, 2010.

Bullarium Poloniae, t. V: 1431–1449, ed. et cur. Irena Sułkowska-Kuraś et Stanislaus Kuraś; cooper. Maria Kowalczyk et Anna ac Hubertus Wajs, Romae – Lublini: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1995.

„Censura, albo Zdanie y uważenie Prokopa Bałtromieiwicza. O Nominacyey Biskupa Wileńskiego [...] [Wilno,] 1598“, in: *Šešioliktojo amžiaus raštija*, sudarytojai Algis Samulionis, Rasa Jurgelėnaitė ir Darius Kuolys, redaktorius Sigitas Narbutas, Vilnius: Pradai, 2000, p. 414–420.

Chodyncki Kazimierz, *Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska*, Warszawa: Kasa imienia Mianowskiego – Instytut Popierania Nauki, 1934.

Commune incliti Polonie Regni privilegium [...], Cracoviae: in edibus Johannis Haller, 1506.

Czwojdrak Bożena, *Zofia Holszańska. Studium o dworze i roli królowej w późnośrednio-wiecznej Polsce*, Warszawa: DiG, 2012.

Dąbrowski Dariusz, „Radosłwie kniazey Wytebskich – analiza porównawcza treści“, in: *Genealogia. Studia i Materiały Historyczne*, 2002, t. 14, p. 31–69.

Dini Pietro U., *Aliletoescvr: Linguistica baltica delle origini. Teorie e contesti linguistici nel Cinquecento*, Livorno: Books & Company, 2010.

- Dini Pietro U., *Prelude to Baltic Linguistics. Earliest Theories about Baltic Languages (16th century)*, Amsterdam, New York: Rodopi, 2014.
- Estreicher Karol, *Bibliografia Polska*, t. 25, Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1913.
- Gudmantas Kęstutis, „Hagiografinė Paraskovijos-Praksedos istorija Lietuvos metraščiųuose“, in: *Lietuva – Italija: Šimtmečių ryšiai*, sud. Daiva Mitrulevičiūtė, Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2016, p. 280–299.
- Gudmantas Kęstutis, „Kitoks Žalgirio mūšio vaizdas: Lietuvos metraštis ir Jono Visliciečio poema ‘Prūsų karas’“, in: *Senoji Lietuvos literatūra*, 2005, kn. 19, p. 143–156.
- Halecki Oskar, „Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego“, in: *Rozprawy Akademii Umiejętności*, t. 59, (Seria II, t. 34), Kraków, 1916, p. 218–236.
- Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, lib. III–XII, Varsaviae / Cracoviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe / Polska Akademia Umiejętności, 1970–2003.
- Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum*, Cracoviae: impensis [...] Ioannis Haller, 1516.
- Janeczek Andrzej, „Ruś w Koronie: stara nazwa i nowa tożsamość regionalna (po aneksji w połowie XIV wieku)“, in: *Pogranicza w polskich badaniach mediewistycznych (Materiały V Kongresu Mediewistów Polskich, t. III)*, red. Andrzej Janeczek, Michał Parczewski, Michał Dzik, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019, p. 149–175.
- Jasas Rimantas, „Lietuvos kanclerio Alberto Goštauto memorialas karalienei Bonai (1525)“, in: *Šešioliktojo amžiaus raštija*, sudarytojai Algis Samulionis, Rasa Jurgelėnaitė ir Darius Kuolys, redaktorius Sigitas Narbutas, Vilnius: Pradai, 2000, p. 25–30.
- Jonynas Ambraziejus, *Lietuvių folkloristika iki XIX a.*, Vilnius: Vaga, 1984.
- Kempa Tomasz, *Dzieje rodu Ostrogskich*, Toruń: Wydaw. Adam Marszałek, 2003.
- Kirkienė Genutė, *LDK politikos elito galingieji: Chodkevičiai XV–XVI amžiuje*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008.
- Kojalavičius-Vijūkas Albertas, *Sacer nomenclator familiarum et stemmatum Magni Ducatus Lituaniae et provinciarum ad eum pertinentium*, transtulit Sigitas Narbutas, Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2015.
- [Kromer Marcin], *Marcina Kromera biskupa warmińskiego O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach Koronnych Polskich: ksiąg XXX. Przez Marcina Błazowskiego z Błazowa: wyraźnie na Polski ięzyk przetłumaczone [...]*, [w] Krakowie: [w] Drukarni Mikołaja Loba, 1611.
- Kronika Polska, Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioach. Bielskiego syna iego wydana*, [w] Krakowie: [w] Drukarni Jakuba Sibeneychera, 1597.
- Kronika Sarmacyey Europskiej [...]* Przez Alexandra Gwagnina z Werony [...], [w] Krakowie: w Drukarniey Mikołaja Loba, 1611.
- Krzywy Roman, „Graeca fides a moskiewska wiarołomność w dyskursie staropolskim – z dziejów stereotypu“, in: *Przegląd Filozoficzno-Literacki*, 2017, Nr. 3–4, p. 485–500.
- Kuolys Darius, *Asmuo, tauta, valstybė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorinėje literatūroje (renesansas ir barokas)*, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1992.

- Kuźmińska Maria, „Olbracht Marcinowicz Gasztołd“, in: *Ateneum Wileńskie*, 1927, t. 4, z. 13, p. 349–391; 1928, t. 5, z. 14, p. 121–174.
- Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas = The Wavel Manuscript of the Lithuanian Chronicles*, parengė Kęstutis Gudmantas, Nadežda Morozova, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2017.
- Lietuvos Metrika. Užrašymų knyga 14 (1524–1529)*, parengė Laimontas Karalius, Darius Antanavičius, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008.
- Lukšaitė Ingė, *Reformacija Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir Mažojoje Lietuvoje. XVI a. trečias dešimtmetis – XVII a. pirmas dešimtmetis*, Vilnius: Baltos lankos, 1999.
- Mathias de Mechovia, *Chronica Polonorum*, Cracoviae: per Hieronymum Vietorem, 1521.
- Michalonis Lituani De moribus Tartarorum, Lituatorum et Moschorum fragmina X, multiplici Historia referta*. [...], Basileae: apud Conradum Waldkirchium, 1615.
- Nehring Władysław, *O historykach polskich szesnastego wieku*, cz. 2: *O życiu i pismach Joachima Bielskiego*, Poznań, 1860.
- Niendorf Mathias, *Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795)*, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006.
- Ochmański Jerzy, „Michałon Litwin i jego traktat o zwyczajach Tatarów, Litwinów i Moskwcinów z połowy XVI wieku“, in: *Kwartalnik Historyczny*, 1976, t. 83, Nr 4, p. 765–783.
- Ochmański Jerzy, „The National Idea in Lithuania from the 16th to the First Half of the 19th Century: The Problem of Cultural-Linguistic Differentiation“, in: *Harvard Ukrainian Studies*, 1986, vol. 10 (3/4), p. 301–315.
- Paprocki Bartosz, *Gniazdo Cnoty: z kąd Herby Rycerstwa sławnego Krolestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Zmudzkiego, y inszych Państw do tego Krolestwa należących Książąt, y Panov, początek swoy maią*, w Krakowie: z Drukarniey Andrzeia Piotrkowczyka, 1578.
- Petrauskas Rimvydas, *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*, Vilnius: Aidai, 2003.
- Pistorius Joannes, *Polonicae historiae corpus*, t. II, Basileae: per Sebastianum Henrici-petri, 1582.
- Pomniki do dziejów litewskich*. [...], zebrane przez Teodora Narbutta, Wilno: Nakładem Rubena Rafałowicza Księgarza Wileńskiego, 1846.
- Radvanus Joannes, *Opera = Radvanas Jonas, Raštai*, transtulit Sigitas Narbutas, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009.
- Radziszewska Julia, „Maciej Strykowski i jego dzieło“, in: Maciej Strykowski, *O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego* [...], oprac. Julia Radziszewska, Warszawa: PIW, 1978, p. 5–25.
- Ragauskienė Raimonda, *Barbora Radvilaitė*, Vilnius: Vaga, 1999.
- Ragauskienė Raimonda, „Rusėniška XV a. pab. – XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų – valdovių ir didikų – korespondencija“, in: *Istorija. Mokslo darbai*, 2009, t. 76, p. 18–29.

- Ragauskienė Raimonda, „XVI a. Radvilų požiūris į Lietuvos vietą Europoje“, in: *Europos idėja Lietuvoje: istorija ir dabartis*, sud. Darius Staliūnas, Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2002, p. 63–77.
- Ragauskienė Raimonda, Ragauskas Aivas, *Barboros Radvilaitės laišakai Žygimantui Augustui ir kitiems*, Vilnius: Vaga, 2001.
- Ročka Marcelinas, *Mykolas Lietuvis*, Vilnius: Mokslas, 1988.
- Ročka Marcelinas, *Rinkiniai raštai*, par. Mikas Vaicekauskas, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002.
- [Rotundus Augustinus], „Epitome Pricipum Lituaniae a migratione Italorum P. Libone vel, ut Lituania historia scribit, Palemone duce usque ad Jagellones“, in: Jakubowski Jan, *Sudya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską*, Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1912, p. 94–104.
- [Rotundus Augustinus], „Serenissimo Principi ac Domino, Domino Stephano Dei gratia Poloniae Regi, Magno Dvci Lituaniae [...]“, in: *Archiwum Komisji Prawniczej*, t. VII, Kraków: nakładem Akademii Umiejętności, 1900, p. XV–XXII.
- Rowell S. C., *Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe, 1295–1345*, Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- „Rozmowa Polaka z Litwinem [...]“, in: *Šešioliktojo amžiaus raštija*, sudarytojai Algis Samulionis, Rasa Jurgelėnaitė ir Darius Kuolys, redaktorius Sigitas Narbutas, Vilnius: Pradai, 2000, p. 201–275.
- Saviščevas Eugenijus, *Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010.
- Sliesoriūnas Gintautas, *Lietuvos istorija*, t. 6: *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVI a. pabaigoje – XVIII a. pradžioje (1588–1733 metais)*, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015.
- Strykowski Maciej, *Ktora przedtym nigdy swiatla nie widziata. Kronika Polska, Litewska, Żmodzka y wszystkiey Rusi [...] Przez Macieia Osostewiciusa Striykowskiego [...]*, w Krolewcu: u Gerzego Osterbergera, 1582.
- Strykowski Maciej, *O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego [...]*, oprac. Julia Radziszewska, Warszawa: PIW, 1978.
- Tęgowski Jan, *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*, Poznań, Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999.
- Wdowiszewski Zygmunt, *Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce*, Kraków: Avalon, 2005.
- Wiiuk Koałowicz Albertus, *Miscellanea rerum ad Statum Ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentium*, Vilnae: Typis Academicis, 1650.
- Wijuk Koałowicz Wojciech, *Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium*, w Krakowie: w drukarni „Czasu“, 1897.
- Wojtkowiak Zbysław, *Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1990.

- Бычкова Маргарита Евгеньевна, *Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя*, Москва: Изд. центр ИРИ, 1996.
- Воронин Василий Алексеевич, „Витовт – герой Литвы, Ольгерд – герой Руси“, in: „Места памяти“ руси конца XV – середины XVIII в., (*Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*, кн. 4), отв. сост., отв. ред. серии Андрей Владимирович Доронин, Москва: РОССПЭН, 2019, с. 88–102.
- Воронин Василий Алексеевич, „На пути к современной литвинской нации (по материалам Второго и Третьего сводов белорусско-литовского летописания)“, in: *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, (*Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*, кн. 2), отв. сост., отв. ред. серии Андрей Владимирович Доронин, Москва: РОССПЭН, 2018, с. 126–141.
- Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*, под. ред. Николая Федоровича Котляра, Санкт-Петербург: Алетейя, 2005.
- Глінскі Яўген Станіслававіч, „‘Eritome principum Lituaniae’ у кантэксте гістарычнай думкі Вялікага Княства Літоўскага ў XVI стагоддзі“, in: *Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*, вып. 4, Мінск, 2011, с. 263–299.
- Гудмантас Кястутис, „‘Житие’ Парасковии-Пракседы в литовских летописях“, in: *Археология и история Литвы и северо-запада России в средневековье*, редактор и составитель Гедиминас Вайткявичюс, Вильнюс: Lietuvos istorijos institutas, 2013, с. 197–214.
- Дмитриев Михаил Владимирович, „Народ благочестия русского: о конфессиональном и этническом в представлениях о ‘русском народе’ Речи Посполитой“, in: *Вертоград многоцветный. Сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори*, Москва: Индрик, 2018, с. 453–463.
- Дмитриев Михаил Владимирович, „Православное и ‘русское’ в представлениях о ‘русском народе’ Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII в.)“, in: *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*, (*Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*, кн. 1), отв. сост., отв. ред. серии Андрей Владимирович Доронин, Москва: РОССПЭН, 2017, с. 193–214.
- Дмитриева Руфина Петровна, *Сказание о князьях Владимирских*, Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1955.
- Короткий Владимир, „Литва, ‘Русь’, ‘литвин’, ‘русин’ в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI – XVII веков“, in: *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštinijos tradicijos*, (*Bibliotheca archivi Lithuanici*, [t.] 7), Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009, p. 187–196.
- Кром Михаил Маркович, *Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений*, Москва: Издательский дом „Рубежи XXI“, 2008.
- Лаушкин Алексей Владимирович, *Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв.*, Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2019.
- Ліцкевіч Алег Уладзіміравіч, „Да пытання пра рутэнізацыю балтаў ВКЛ у XIV – пачатку XV стст.“, in: *Arche*, 2009, №. 11–12, с. 24–80.

- Литвина Анна Феликсовна, Успенский Федор Борисович, *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики*, Москва: Индрик, 2006.
- Литвина Анна Феликсовна, Успенский Федор Борисович, *Иноческие имена на Руси*, Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.
- Марзаялюк Ігар, *Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.)*, Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2003.
- Михалон Литвин, *О нравах татар, литовцев и москвитян*, пер. Веры Ивановны Матузовой, Москва: МГУ, 1994.
- Морозова Надежда, *Вопросы языка и текстологии летописей Великого княжества Литовского: Хроника Быховца*: Дис. [...] д-ра гуманитарных наук, Vilnius, 2001.
- Новоселов Василий Рудольфович, „Право на дуэль и социальная репутация во Франции XVI в.“, in: *Право в средневековом мире: сборник статей*, вып. 2–3, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001, с. 240–252.
- Полехов Сергей, *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века*, Москва: Индрик, 2015.
- „Предисловие ко второму изданию“, in: *Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. I: 6-я книга записей Литовской метрики. Сборник документов канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика 1494–1506*, сост. тома М. Е. Бычкова (отв. сост.), О. И. Хоруженко, А. В. Виноградов, отв. ред. тома С. М. Каштанов, Москва: Кучково поле, 2018, с. 12–26.
- Полное собрание русских летописей*, т. 35, Москва: Наука, 1980.
- Пупинис Роландас, „Оппозиция свой – чужой: метод исследования общества ВКЛ XV–XVI вв.“, in: *Археология и история Литвы и северо-запада России в средневековье*, редактор и составитель Гедиминас Вайткявичюс, Вильнюс: Lietuvos istorijos institutas, 2013, с. 207–226.
- Семенчук Альбина Аляксандраўна, „К вопросу об источниках Хроники Мацея Стрыйковского“, in: *Славяноведение*, 2014, №. 2, с. 62–76.
- Уайт Стивен Д. [White Stephen D.], „Гнев и политика“, in: *История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже – веков*, под общей ред. Михаила Крома, Давида Сэбиана, Гади Альгази, Санкт-Петербург: Алетейя, 2006, с. 33–69.
- Чамярыцкі Вячаслаў Антонавіч, *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў*, Мінск: Навука і тэхніка, 1969.
- Шаланда Аляксей, „Геральдыка Валовічаў XVI–XVIII стст.: міфы і рэальнасць“, in: *Unus pro omnibus: Валовічы ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст.*, Мінск: Медысонт, 2014, с. 145–187.
- Шаланда Аляксей, „Казімер Ягайлавіч і гербавая легенда роду Валовічаў“, in: *Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына. Мат-лы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Гальшаны – Навагрудак, 8–10 верасня 2006 г.*, Мінск: Беларуская навука, 2007, с. 243–265.
- Яковенко Наталя, *Дзеркала ідэнтычнасці. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття*, Київ: Laugus, 2012.

From a 'Ruthenian' to a 'Noble Lithuanian':
Shifts in the Sixteenth-Century Historical Narrative
of the Grand Duchy of Lithuania

S u m m a r y

The article discusses the shifts in the attitude towards the Orthodox believers and Ruthenians in the sixteenth-century historical and polemical writings and epistolary works of the Grand Duchy of Lithuania. It starts with an analysis of the conversion of pagan Lithuanian dukes to Orthodoxy as described in the chronicles of Lithuania, which is followed by a review of the letters of Chancellor Albertas Goštautas (Olbracht Gasztołd, †1539) and the struggle against the group of Hetman Konstantinas Ostrogiškis (Konstanty Ostrogski) that is reflected in those letters. The study concludes with an analysis of texts by Augustinus Rotundus, Maciej Strykowski, and other authors from the second half of the sixteenth century. In these texts, the representatives of the Ruthenian elite of the Grand Duchy of Lithuania – the Chodkevičius (Chodkiewicz), the Valavičius (Wołłowicz) – are already considered to be 'noble Lithuanians'.

KEYWORDS: Ruthenians; Lithuanians; Grand Duchy of Lithuania; faith; ethnicity; sixteenth-century chronicles; letters; polemical texts.

KĘSTUTIS GUDMANTAS

Nuo „rusėno“ iki „kilmingo lietuvio“: XVI a. istorinio LDK pasakojimo virsmai

S a n t r a u k a

Straipsnyje aptariama požiūrio į stačiatikius ir rusėnus kaita XVI a. istorinėje ir poleminėje LDK raštijoje, epistolikoje. Iš pradžių analizuojamas Lietuvos metraščiuose aprašytas pagonių lietuvių kunigaikščių tapsmas stačiatikiais, toliau apžvelgiami kanclerio Alberto Goštauto (†1539) laišakai ir juose atspindėta kova su etmono Konstantino Ostrogiškio grupuote; tyrimas baigiamas Augustino Rotundo, Motiejaus Strijkovskio ir kitų XVI a. antros pusės autorių tekstų analize; šiuose tekstuose LDK rusėniškojo elito atstovai (Chodkevičiai, Valavičiai) jau laikomi „kilmingais lietuviais“.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: rusėnai; lietuviai; Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė; tikyba; etniškumas; XVI a. metraščiai; kronikos; laišakai; poleminė raštija.